

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ,

в котором три богини ссорятся в небесных покоях . . . 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

в которой мы знакомимся с тремя девушками, ставшими участницами отбора невест, и самим королем, а также обнаруживаем богинь в непривычных для них обликах 9

Глава 1. Загорается метка 10

Глава 2. Объявляется отбор 19

Глава 3. Уточняются позиции 31

Глава 4. Проверяется решимость 44

Глава 5. Начинается игра 53

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

в которой три уже известные нам героини знакомятся с королем и друг с другом, проходят первые испытания на отборе и начинают соперничать — самостоятельно и по наущению богинь 65

Глава 6. Задаются вопросы 66

Глава 7. Раскрываются правила 81

Глава 8. Распределяются симпатии 91

Глава 9. Обнаруживаются козни 104

Глава 10. Подозрения сгущаются	115
Глава 11. Тайное становится явным	127

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,

в которой мы узнаем о трагедиях, происходящих за стенами замка, а тайные планы людей и богинь начинают наслаиваться друг на друга и переплетаться, усложняя человеческие интриги божественной игрой

	145
--	-----

Глава 12. Игра учит игроков	146
Глава 13. Фигуры сближаются	159
Глава 14. Совершаются обманы	172
Глава 15. Дается передышка	181
Глава 16. Правила меняются	196

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой мы вместе с героями находим ответы на волнующие вопросы. А богиням приходится совершать нелегкие выборы, потому что теперь от них напрямую зависят судьбы их подопечных . .

	209
--	-----

Глава 17. Поднимаются ставки	210
Глава 18. Обновляется диспозиция	220
Глава 19. Переплетаются ходы	232
Глава 20. Неудачи оборачиваются победами	242
Глава 21. Сбываются мечты.	251
Глава 22. Считаются проигрыши	268

ЧАСТЬ ПЯТАЯ,

в которой наши герои оказываются втянуты в череду неудач, спасти из которых их может только сила богинь, разрешивших наконец-то свой спор

	281
--	-----

Глава 23. Объявляется победительница	282
Глава 24. Уничтожаются преимущества	293
Глава 25. Разрешается спор	303
Глава 26. Празднуется свадьба	311
Благодарности	316

Милослава Финдра

Божественный спор

Издательство АСТ
Москва

ПРОЛОГ,

*в котором три богини ссорятся
в небесных покоях*

— **И** все же я не согласна, — мелодично протянула Ниилида, бросив хитрый взгляд на соперниц. А затем слегка повернулась: так, чтобы свет падал сбоку, подчеркивая ее изящный профиль.

В ответ богиня войны Гердия свела к переносице густые темные брови.

— Ты сомневаешься в моей силе? — хриплый голос Гердии зазвучал раздраженно. — Я же не говорю, что ты некрасива, а Онифа глупа. У каждой из нас свои достоинства.

— Я говорю о том, что физическая сила не всегда приводит к победе, — ответила Ниилида. — Есть много способов достичь желаемого...

— Например, умом или хитростью, — вмешалась в разговор Онифа, третья богиня, славившаяся мудростью. Ее серые глаза лукаво блестели, а на тонких губах играла улыбка.

— На каждую хитрость найдется свой хитрец, — покачала головой Ниилида, и ее золотистые локоны блеснули на солнце. — Нежность и очарование позволяют многое решить миром.

— Если на слабую девушку в подворотне нападут грабители, ты думаешь, она сможет их очаровать? — Гердия скрестила руки.

— Какой кошмар! Бедная девушка... — Ниилида округлила глаза в притворном ужасе. — И все же обаяние может сыграть свою роль в такой ситуации. Не стоит недооценивать силу улыбки.

Она тут же продемонстрировала, о чем идет речь, обнажив белоснежные зубки.

— Ну хорошо, допустим. Но что ты предложишь сделать воину, на чей дом напали иноземные гости и держат кинжал у горла хозяина? — не сдавалась богиня войны, продолжая хмуриться. — Тоже поразить их улыбкой?

— В словах каждой из вас есть доля правды. Но только мудрый человек может решить, в какой ситуации лучше действовать силой, а когда обаянием, — снова вмешалась сероглазая Онифа. — Впрочем, это бессмысленный спор. Каждая из нас считает, что ее способности — ось, на которой держится мир.

— Я не поверю, что богиня мудрости не знает, как это выяснить наверняка, — в словах Гердии, бурной в эмоциях, как и ее стихия, чувствовалась угроза. — Скорее можно подумать, что богиня мудрости не хочет искать истину.

Ниилида протянула руку и взяла из золотой вазы персик. Нежная бархатистая шкурка фрукта лопнула, едва богиня его надкусила, и густой сладкий сок наполнил рот. Наблюдать за тем, как лицо Онифы теряет привычное равнодушие, было любопытно.

— Мне нечего бояться, Гердия, — холодно парировала богиня мудрости, и в ее глазах засеребрился туман. — И, если ты так хочешь узнать, кто из нас сильнее, это просто выяснить. Достаточно спросить Единоглазого, который сделал нас богинями, подарив каждой свою божественную частицу.

— Думаешь, он так просто признается? — поинтересовалась Ниилида.

— А почему бы и нет? Думаешь, ему выгодны наши пересуды? Этот разговор повторяется не одну сотню лет. Я сама от него устала. И, между прочим, в прошлый раз, когда Гердия решила доказать нам свою силу, людям пришлось перерисовывать карту мира.

— Дело не в нашем споре. Не надо обвинять меня в излишней жестокости или горделивости, — поморщилась богиня войны. — Все складывалось так, что разрозненным землям требовалась одна крепкая рука.

— Да, но процесс объединения племен занял бы больше времени и прошел бы не так жестоко, если бы ты не поддержала того человека.

Остановить богиню мудрости в дискуссии... или это была полемика? Ниилида никак не могла запомнить разницу. Зато она знала, что Онифу можно отвлечь.

— Онифа, мне кажется твоя идея попросить рассудить нас Единоглазого, как всегда, блестяща, — нежно пропела

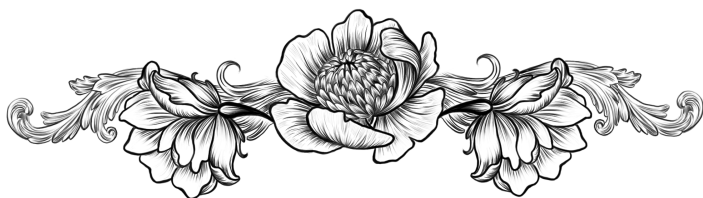
богиня красоты, не отводя взгляда от серых глаз богини мудрости. К концу фразы серебристый туман в них почти рассеялся, снова показав зрачки.

— Если вы так этого жаждете, то давайте пойдём и спросим, — Онифа уже сделала шаг в сторону, как вдруг остановилась и медленно добавила: — Только помните, что сбывшиеся желания нечасто радуют их владельцев. Даже если это боги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

*в которой мы знакомимся с тремя девушками,
ставшими участницами отбора невест,
и самим королем, а также обнаруживаем
богинь в непривычных для них обликах*

ГЛАВА 1

ЗАГОРАЕТСЯ МЕТКА

В священном лесу Имизонии

Оперение стрелы щекотало щеку. Олень стоял локтях в десяти, и еще ни разу Арнике не удавалось подойти к нему так близко. Умное животное не подпускало к себе хищников — ни диких зверей, ни толстокожих, вонючих, шумных людей. Арнике пришлось сливаться с листвой и делать каждый шаг бесшумным, несмотря на треск сухих опавших листьев. Самым сложным было подавить волнение и спрятать аромат тела, для этого она специально шла все время против ветра.

И теперь Арника чувствовала гордость за то, что ей удалось выследить большерогого оленя — уже немолодого и потому опытного. Сейчас все зависело только от одного: попадет стрела Арники в цель или нет. Если той не удастся угодить прямо в сердце, легкое ранение только испугает животное и заставит сбежать. Одна стрела определит, что впереди — победа или поражение. Никто не станет ругать Арнику за промах, но после такого ей самой будет стыдно показаться на глаза матери, чью меткость постоянно восхваляли певуны.

Арника не стала медлить дальше: оттянутая до упора тетива и так грозила выскользнуть из влажных пальцев, а то и вовсе лопнуть... Наконец, вырвавшись на свободу, стрела звонко свистнула. Этот звук все еще стоял в ушах

Арники, когда олень жалобно заревел, сорвался с места, но, не пробежав и пары шагов, завалился на бок. Арника шумно выдохнула, глядя на желанную добычу и еще не до конца веря, что все удалось. Так же, как матери Арники в первую охоту. А может, даже лучше.

Дальше она уже не думала, а просто бежала к туше, на ходу доставая из заплечного мешка веревку, чтобы подвесить оленя и освежевать. Дотащить такую огромную тушу сама Арника не смогла бы, а звать на помощь было некого. Ритуал первой охоты требовал справляться со всей работой в одиночку, доказывая свою самостоятельность делом. И пусть в последние годы молодые имизонки пользовались все большими послаблениями, Арника не могла себе этого позволить. Царской дочери не к лицу ждять поблажек.

Работа была грязной, но Арника не морщилась, методично работая ножом. В копании в потрохах может найти удовольствие только безумец, но и просто так забрать жизнь оленя было бы безответственно. Нет, эта душа уйдет на новый круг без сожалений, зная, что ее плоть еще послужит живым. Успокоив себя этой мыслью, Арника безотчетно проделала все необходимое. И даже удивилась своему спокойствию, подумав, что разделять кроликов в детстве было гораздо тяжелее. Арника и сейчас чувствовала легкие уколы жалости, когда проходила мимо загона с пушистыми зверьками, беззаботно жующими силос. Впрочем, в этом не было ничего, чего Арнике стоило бы стыдиться. Да, иногда приходится проявлять жестокость, но кто сказал, что от нее нужно получать удовольствие?

Люди в Имизонии не какие-то отсталые дикари, как, наверное, думают в Катории. Охота — дань древним традициям, крайне редкое и особое событие, которое нечасто случается в жизни высоких родов, а у простолюдинов и вовсе единожды. Еще не скоро Арнике понадобится вернуться в лес, чтобы бросить вызов самой себе и доказать, что ее рука все еще тверда. А может быть, к тому времени, когда мать передаст ей царский венец, народ будет готов к некоторому смягчению обычаев. Одно точно: когда Арника примет власть, с кроликами будут иметь дело только царские мясники.

Плечо обожгло, когда она уже сделала две ходки и привязывала последний мешок с добычей к седлу коня. Арника не сдержалась и грубо выругалась от неожиданности, а затем начала расстегивать ворот рубашки, чтобы посмотреть, в чем дело. Вывернула шею, ожидая увидеть след от укуса слепня или какой-то другой летающей гадости, но вместо этого обнаружила на плече светящийся узор. На золотистой от загара коже мерцали ярко-белые линии, складываясь в рисунок пиона. Точно такой же цветок Арника не раз лично рисовала в альбоме на уроках по международной геральдике. Символ королевского дома Катории.

Обычно бережная с лошадьми, в этот раз она гнала кобылу, как ветер. И только услышав, как хрипит и задыхается от бешеной скачки несчастное животное, одернула себя и с галопа перешла на рысь. Царский шатер, в котором ожидали результатов охоты мать и старшие женщины родов, был уже рядом. Соскочив с лошади, Арника бросилась вперед, преодолевая последние локти до устланного дорогими коврами входа в шатер.

Пантелея не зря заслужила прозвище Сиятельная. Сверкали и переливались сотнями бликов драгоценные камни в ее царском венце. Золотой нагрудник и наручи выходного доспеха будто не отражали свет свечей, а сами светились изнутри. На плечах царицы лежал подбитый мехом плащ, а по бокам от нее стояли молодые охранницы — умелые и спокойные. На загорелом лице матери играла легкая улыбка, которая тут же исчезла, когда Арника ворвалась в шатер. Лица охранниц остались равнодушными, но тела напряглись, и это заставило Арнику произвольно замедлить шаги. Она опустилась на колени и почтительно склонила голову, ровно и уверенно произнося древние слова ритуального приветствия:

— Здравствуй и радуйся, старшая мать, ибо несу я весть об успехе первой охоты твоей дочери. Ее шаги были тихи, руки тверды, а глаза зорки, и потому острая стрела встретила с сердцем хозяина леса.

— Сердце матери поет, слыша весть, которую принесла ее дочь. Славная добыча порадует старших и младших сестер. Будет вечер и будет пир, станут славить умелую охотницу и мать, что ее воспитала, — торжественно от-

ветила Пантелея Сиятельная, ничем не выдав своего беспокойства.

— Будет вечер и будет пир, — подтвердила Арника и низко поклонилась, уже понимая, что разговор с матерью о странной метке отложится до вечера.

В Каторийском дворце маркиза Фламбре

Аппетитный запах жаркого заставил рот тут же наполниться слюной. И все же Лиона продолжала сидеть на месте с милой улыбкой, даже не глядя в сторону тарелки, только что наполненной лакеем. Как того требовал этикет, ее взгляд принадлежал соседу слева, тучному архитектору с седыми бакенбардами.

— Я проезжала на прошлой неделе мимо здания нового театра. Ваша работа, мейстер Глохтер, просто превосходна. Особенно меня восхитили скульптуры на фронто-не, слышала, их изготовили по особому заказу триклопы. Неужели это правда?

Мужчина раскраснелся от удовольствия, услышав похвалы. Но вопрос о скульптурах заставил его на мгновение нахмуриться, и Лиона отметила про себя, что следует быть осторожнее. Отец не одобрит, если она выйдет из образа образованной, но не слишком проницательной собеседницы.

— Да, скульптуры действительно делали на заказ. Впрочем, слухи об участии триклопов всего лишь досужая болтовня. Мастер, с которым я работал, из западных провинций, просто он не очень известен, — спокойно ответил мессир Глохтер.

— Ах, вот как. Я сразу и подумала, что это всего лишь сплетня, но не смогла сдержать любопытства. Видимо, скульптуры так хороши, что кому-то стало завидно, — бросила Лиона, подкрепив слова беззаботным смехом.

Архитектор посмеялся вместе с ней и ощутимо расслабился. Лиона подарила ему напоследок еще одну улыбку и, покончив со светским долгом, наконец удостоила вниманием жаркое. Медленно отпилила серебряным ножом кусочек мяса, наколола на вилку и отправила в рот. Лицо ее сохраняло меланхоличное выражение, пока вну-

